

Алекс Брут

Черная-белая

Алекс Брут

Черная-белая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412792

ISBN 9785449376244

Аннотация

Сборник «Черная-белая» включает в себя пятьдесят поэтических текстов о маленьком человеке в огромном мире. «Смотри, это зеркало».

Содержание

ЧЕРНАЯ	5
«Так пуля говорит бойцу: «Люблю!..»	5
«В итоге, все поменяется...»	6
Осенний триптих	7
«Подошла неожиданно с тыла...»	9
«За окном закричали на резком наречье...»	10
В. Н.	11
«Пишет письма из многоточий...»	12
«Дорисуешь в альбом скетч...»	13
«Пришел и сказал: «Возьми...»	14
«То ли жара...»	15
«Двери открыты, но нет никого, кто придет...»	17
«Тоска по счастью навалилась в темноте...»	18
«Параллельным прямым на плоскости...»	19
«Я выдумал небо...»	20
«Вокруг темнели и поблёскивали лужи...»	22
«Расскажи мне о том, что точно...»	23
«Смеркалось. Загорались фонари...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Черная-белая

Алекс Брут

© Алекс Брут, 2019

ISBN 978-5-4493-7624-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕРНАЯ

«Так пуля говорит бойцу: «Люблю!..»»

Так пуля говорит бойцу: «Люблю!»
и горячо целует под лопатку.
Так сочиняют самый грустный блюз.
Так восхищаются величием упадка
и превозносят декаданс во всем —
в архитектуре, в музыке, в одежде.
Так капитаны остаются с кораблем,
который обречен в морях безбрежных.
Так уезжают раз и навсегда
от нелюбимых —
с равнодушием во взгляде,
перечеркнув напрасные года
в потрепанной линованной тетради.
Так остаешься в комнате один
под тусклым и невыносимо желтым светом.
И поглощаешь едкий никотин
без планов, без идей и без ответов.

«В итоге, все поменяется...»

В итоге, все поменяется.
Охотником станет жертва;
началом недели – пятница;
софистикой – миссионерство.
Сплетутся, перемешаются
цепочки причин и следствий.
И снег никогда не растает сам,
но станут сильнее лезвий
твои непослушные волосы.
Хотя, все равно не остаться
(пусть даже без права голоса),
в стране, где всегда семнадцать

Осенний триптих

I

Я лежал в траве, на восточном склоне,
наблюдал, как птицы в крикливом тоне
обвиняют солнце, что меньше греет;
а оно молчит, потому мудрее.
Я не слушал птиц и не слушал ветер,
никого не ждал, не мечтал о лете,
не хотел взлететь, не пытался ползать —
замерзал в траве в неудобных позах.
Я лежал один, но при том в обнимку
с Сентябрем, принесшим в кармане льдинку.
И казалось, год без любви – чуть больше
чем могу принять. Я лежал оглохший.

II

Октябрь начался с ненужных слов,
на семьдесят процентов непечатных.
Я пьяно спорил, и меня уже несло
течение. В руке был невозвратный
билет на рейс «Родные люди – Чужаки».
И я летел без пересадок до конечной,
сжимая от бессилия кулаки,
но улыбаясь всем попутчикам и встречным.

Мы отдалялись, мы спускались в ад
со скоростью слепой секундной стрелки,
наощупь обыскавшей циферблат,
в тот день, когда большое стало мелким

II

Она снимает кардиган, садится рядом
на край кровати. В комнате темно.
Рукой дрожащей достаёт помаду
и красит губы, как в немом кино.
Потом идёт на кухню, ставит чайник,
гремит посудой, чем-то там стучит
и чертыхается вполголоса, случайно
облившись кипятком. Опять молчит.
Потом приносит чай в тяжёлых кружках,
с негромким стуком ставит их на стол,
как извинение за смятые подушки,
за простыни, за пошленький глагол,
которым можно описать ошибку,
предательство, неверие. Но я
пока молчу и равновесие так зыбко.
Полшага влево – и закончится ноябрь.

«Подошла неожиданно с тыла...»

Подошла неожиданно с тыла,
прошептала на ухо мне:
«Вот и встретились. Здравствуй, милый,
Наконец-то нашла... по весне.
Я искала тебя по миру:
в поездах, в самолетах, в метро,
в переулках и в съемных квартирах,
на больших перекрестках дорог.
Ты всегда был неуловимый.
Я всегда отставала на шаг,
но судьба неизбежна, любимый.
Что ж ты бегал так долго, дурак?»
Обернулся я к ней удивленно
и спросил ее: «Кто ты, ответь?»
А она обняла утомленно
и ответила: «Я твоя Смерть.»

«За окном закричали на резком наречье...»

За окном закричали на резком наречье.
Иммигрантская брань. Ножевые. Увечья.
Чуть поодаль, на лавке сидят наркоманы,
те что утром в метро достают из карманов
сигареты, бумажки, ключи и монеты.
Их не торкает жизнь. Не волнуют ответы.
У подъезда стоит мой сосед-алкоголик.
Он твердит, что заложник кармической роли.
Рядом девушка в синем с коляской и пивом.
Курит тонкие, думает это красиво.
Мы с реальностью кажется несовместимы.
Убирайся, мгновение, ты – нестерпимо.

Я смотрю во двор

с высоты шестого.

И не вижу там

никого живого.

В. Н.

Посещать нужно те места,
где нет ровных прямых дорог,
где кулик не найдет шеста,
где закон – не всегда острог.
Говорить нужно только суть.
Обнимать – словно ждет война.
Быть подвижной – живой, как ртуть.
Отдавать все долги сполна.
Никогда не смотреть назад,
не парить в облаках мечты.
И в системе координат
устояться – любить простых.
Не указывать верный путь.
Никогда не рубить с плеча.
И в итоге, когда-нибудь
твой корабль найдёт причал.

«Пишет письма из многоточий...»

Пишет письма из многоточий:
Ненавижу тебя... и скучаю...
Ты единственный был, но впрочем,
это мало что означает...
У меня никаких иллюзий...
никаких – может быть, завтра...
Значит, ходики тянет грузик...
Каждый день – «Тошнота» Сартра.
Все усилилось, стало резким...
Мысли – рота солдат на марше.
В сердце крюк рыболовный. Леской
чувства путаются... Что дальше?
Я не бросила холст и кисти...
Я рисую, но что толку?..
Все картины – глаза лисьи
и ухмылка серого волка...
Снится, как ты приходишь хмурый...
Я босая тебя встречаю...
Вся, как есть, безнадежная дура...
Ненавижу тебя... и прощаю...

«Дорисуешь в альбом скетч...»

Дорисуешь в альбом скетч,
я допью наконец скотч,
чтобы рядом с тобой лечь
и с рассветом начать ночь.
Мы лежим, не идет сон.
Слишком много вокруг стен,
и они издают звон —
тихий отзвук чужих сцен,
отголоски чужих драм.
Так, наверное, пал Рим.
Так, наверное, сжег храм
Герострат. И календари
не поведают кто спасен.
Не имеет смысла смотреть.
Под глухой колокольный стон,
к нам в квартиру войдет смерть.

«Пришел и сказал: «Возьми...»

Пришел и сказал: «Возьми,
вот сердце в ладони, Ольга.
Я ждал от восьми до восьми,
но не пожалел нисколько.
Я, как часовой на посту,
которого все забыли.
Я – старый разбитый стул,
сколочен из грязи и пыли.
Я – лодка с пробитым дном,
останусь на вечном приколе.
Я – тысяча дел «на потом».
Я – летнее солнце в школе.
Но сердце дарю. Бери
и делай, что хочешь, Ольга.
Оно может путать ритм,
но не соврет. Нисколько.

«То ли жара...»

То ли жара
 днем,
то ли ледник чувств,
Люди войдут
 в дом
и позвонят врачу.
Надо помочь,
 Док.
Парень сошёл с ума —
после обеда
 лег,
пробормотав: «Зима
скоро придет,
 с ней
ввалится в город Тьма,
пьяный солдат
 Снег
будет за ней хромать;
чтобы забрать
 свет,
чтобы разбить сердца.
Шансов почти
 нет —
это начало конца.»
Врач отвечал

им:

«Я не смогу помочь.

Я же мертвец

внутри

вижу во всем ночь.

Если у вас

есть

чувства живых людей,

Что вы забыли

здесь,

в городе мертвых дней?»

«Двери открыты, но нет никого, кто придет...»

Двери открыты, но нет никого, кто придет.
Нет ничего, что могло бы спасти этот вечер.
Жизнь предъявляет с презрением гамбургский счет —
список на мятой салфетке; и он бесконечен.
В нем затерялось так много хороших имен,
тех, что приходят на ум по ночам и по пьяни.
тех, кто в финале, наверное, будет спасен,
тех, кто достоин судить, но, в итоге, не станет.
Здесь, у окна, мы сидим и негромко поем,
и с хрипотцой подбираем тяжелые ноты
песни, которую нужно петь только вдвоем,
с гордостью стоя на самом краю эшафота.

«Тоска по счастью навалилась в темноте...»

Тоска по счастью навалилась в темноте
под мерный стук купейного вагона,
когда он слушал ритм заворожённо
и вспоминал, как водится, не тех.
Девчонку с выпускного – каблук,
испачканные грязью, пьяный шёпот,
глаза безумные и первый взрослый опыт
у мелкой заболоченной реки.
Он вспомнил ту, которая всегда
гнала его, увидев у порога;
Сломавшую судьбу и веру в бога;
И ту, что собирала чемодан.
Не вспомнил только ту, что до утра
волнуется бессонно на девятом,
которой хватит полуслова, полувзгляда,
чтобы пойти за ним, не думая, на край.
А он лежал и думал: «Как же так?
Мы вспоминаем тех, кто недоступен
и любим равнодушных. В этом клубе
бывали все – простой жестокий факт.»

«Параллельным прямым на плоскости...»

Параллельным прямым на плоскости
пересечься нельзя – аксиома.
Но тебя не волнуют тонкости
геометрии. По-любому
мы сойдемся в пространстве и времени.
В перспективе, но не в бесконечности.
И останется пульсом в темени
ощущение безупречности.

Если верить слепой математике,
мы с тобою почти безнадежны.
Ну а если откинуть прагматику, —
все случается. Все возможно.

«Я выдумал небо...»

Я выдумал небо.
Я выдумал нам облака.
Ложись со мной рядом в траву
И бери мою руку.
Мы будем лежать
И мечтать,
Составлять из них пары, пока
Вокруг не погаснут огни,
Не затихнут все звуки.
Я выдумал звезды.
Я выдумал даже луну.
Полезли на крышу
Оттуда их видно получше.
Я должен тебе показать непременно
Одну,
Которую выдумал первой.
Садись и послушай.
Здесь май зазвучал так похоже
На южную ночь.
Сирень зацвела в удивлении,
В воздухе – лето.
Мы вместе придумаем мир,
Ты мне сможешь помочь.
Осталась лишь пара мазков
золотистого цвета.

«Вокруг темнели и поблёскивали лужи...»

Вокруг темнели и поблёскивали лужи,
сгущалась майская безветренная ночь.
Казалось, Питер был насквозь простужен,
себе позволив ненадолго занемочь.
Они спешили, но Нева лизала ноги
и умоляла их не уходить,
как будто в темноте стояли боги.
Литейный мост готов был дать кредит —
не разводите свои бетонные пролеты
и подарить ещё хотя бы пять минут
влюбленным. Ведь, у них свои заботы —
успеть сказать о главном. Подождут
таксисты, реки, графики развонок.
Весь мир замрет, чтоб он ей прошептал:
«Послушай, я потратил годы,
чтобы найти тебя, и все же отыскал.»

«Расскажи мне о том, что точно...»

Расскажи мне о том, что точно
не случится. Хотя могло бы...
Про мосты и про ветер восточный,
про любовь, как в кино, до гроба.
Про звонки, смски, свидания,
про такси, где на заднем тесно.
Про постели и завтраки ранние,
на югах в номерах двухместных.
Расскажи мне о том, как страшно
понимать, что счастливей не стали.
Только это теперь неважно...
Я молчу, а во рту привкус стали.

«Смеркалось. Загорались фонари...»

Смеркалось. Загорались фонари
на темных и неубранных аллеях.
Кричали птицы, словно бунтари,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.